

Анастасия Фелькер

студентка III курса факультета Гуманитарных Технологий
университета Высшая Антропологическая Школа

ПУШКИН КАК ТРИКСТЕР, или некоторые мифологические соответствия

Felcker A. Pushkin as a Trickster, or Some Mythological Correspondences.

It is well known that a number of modern culture's imageries are narrowly interwoven with the characters of classical mythology. The author suggests the idea that such an interweaving is possible also for Pushkin's figure. There are called different examples of characters which could possibly correspond with Pushkin. But the most striking "pretender" to this place is Trickster's character. Such a model is suggested in historiography for the first time. The author collected a lot of examples confirming the suggested theory. She proposed to compare Pushkin's behavior during the appointed time of his life with Trickster's behavior as a cultural category. The analysis shows that Pushkin's image is corresponded with Trickster through a number of criteria.

Место, занимаемое Александром Пушкиным в русской, постсоветской и мировой культуре, уникально. Он перестал быть просто поэтом, стихотворцем, фактом культурной жизни, он, несомненно, превратился в многогранный символ, подчас отражающий неодинаковые, а иногда и противоположные друг другу, смыслы. Произошла идеализация и идеологизация Пушкина. На основе фактов из его биографии, привычек, поведения выстраивался многоплановый образ, который различается не только в официальной и неофициальной пушкинистике, но и для различных временных периодов. Выстроилась специфическая мифология — для каждого времени свой Пушкин. На наш взгляд, среди моделей «мифологического Пушкина» существует такая модель, как трикстер. В данной статье мы попытаемся рассмотреть разносторонний образ Пушкина с точки зрения мифологических соответствий, особенно нас будет интересовать та его часть, которая совпадает с чертами образа трикстера.

Практически для любой выдающейся исторической личности присутствует специфическая мифология. В ряде случаев её формирование происходит как при жизни, так

и после смерти той или иной значимой для общества и его истории личности. Зачастую параллельно с официальной мифологией существует неофициальная, и если первая стремится представить объект мифологизации в «выгодном» свете, превознося заслуги и добродетели, то вторая, наоборот, указывает на недостатки героя, высмеивает его слабые стороны. Однако как официальная, так и неофициальная мифологии используют для построения нужного им образа уже известные схемы, руководствуясь структурами, когнитивными образцами, лежащими в основе общечеловеческой символики классических мифов, сказок, художественных текстов — архетипами (по К.Г. Юнгу 1999). Поведение героя воспроизводит поведенческую модель олицетворяемого образа. В результате происходит переплетение ряда образов современной культуры с героями классической мифологии.

Для примера обратимся к некоторым исследованиям, посвящённым конструированию мифологической личности. Одна из ведущих тенденций — сравнение черт мифологизированных личностей с функциями героев классической мифологии. Так,

Пётр I предстаёт в качестве Царя-демиурга (как отец-основатель Петербурга, так и «демиург нового мира», царя, привносящего порядок) со всеми его функциями (Успенский, Лотман 1994; Жуков 2001: 138); кроме того, Петр I заведомо вёл себя, подстраиваясь под мифологический образец — культурного героя¹ (Жуков 2001: 138²). С. Эрлих (2003: 389) вывел формулу устойчивости и жизнеспособности декабристского мифа — использование архетипических образов «созидательной жертвы» и объединение взаимоисключающих воплощений этих архетипов: образ кротких христианских мучеников и воинственных языческих предков. Устойчивость мифов во многом коренится также в синтезном использовании различных, иногда прямо противоположных образов. В качестве мифологизированных личностей предложены также Александр Македонский, Цезарь, Тимур, Чингисхан, Наполеон, Гитлер, Сталин (Цуркан 2001: 180). Ленин же, по утверждению Л. Абрамяна (1999), в целом, удивительным образом напоминает мифологического трикстера (автор называет Ленина политическим трикстером).

Фигура Пушкина также была рассмотрена исследователями в категории параллелей из классической мифологии. Например, Алла Ли (2000) предлагает модель, где Пушкин предстает в качестве тотема для советского времени, «роль его как общего предка прочно закреплена в известном всем выражении: «Пушкин — наше всё»». Сталин же, по мнению А. Ли, в этот период выполнял функцию демиурга Рода — Урана — «Отца всех народов». Пушкину, как мифологическому прародителю, приписываются гипертрофированные черты и характеристики. Он обладает поистине неиссякаемой работоспособностью, осведомленностью, интеллектом и пр. В излюбленной фразе «Я что — Пушкин, что ли?» автор видит воплощение черт «всемогущего» предка.

На наш взгляд, фигуру Пушкина действительно можно соотнести с несколькими образами классической мифологии (что уже было сделано некоторыми исследователями). И всё же в первую очередь — с принципиаль-

но противоречивым образом трикстера (данная модель предлагается впервые). Ряд специфических черт (как поведенческих, так и функциональных) роднят этих героев. Чтобы убедиться в этом, напомним, что представляет собой трикстер как персонаж мифологических текстов.

Трикстер в европейской мифологии — категория, хотя в мифах североамериканских племён фигурирует герой с таким именем. Воплощение трикстера в скандинавской традиции — бог Локи. Черты Локи, характерные для трикстеров: двуличность, изворотливость, хитрость, коварство. В позднем фольклоре трикстер предстает как сообразительный озорной человек или существо, которое пытается противостоять опасностям и проблемам окружающего мира с помощью различных уловок и хитростей. Рассмотрим описание образа Локи М.И. Стеблин-Каменским (1976): Локи «наиболее странный и противоречивый образ древнеисландской мифологии», с одной стороны, он зачинщик всякого обмана и зла, с другой — он похож на шутника, который сам не понимает, какие последствия может иметь его шутка. Локи вообще похож на злого и умного шута богов. Д.А. Гаврилов (2006) приводит в качестве манифестации образа трикстера следующих героев: классические трюкачи: языческие боги — Один, Гермес, Велес, Локи; традиционные персонажи — чёрт, Насреддин, Уленшпигель, Диоген Синопский, Одиссей, Илья Муромец, Мерлин, св. Николай. «Разновидности» образа трикстера можно найти в мифологии всех времен и народов. В греческой мифологии — это алхимический образ Меркурия (или Гермеса) и образ Диониса. Дух трикстера обнаруживается и в средневековье, главным образом выражаясь в празднике «Пир дураков» (Юнг 1999). Также в качестве современных трикстеров предложены Рейнеке Лис, Багз Банни, Братец Кролик, Розовая Пантера, Капитан Джек Воробей из фильма «Пираты Карибского моря», Маска (Стэнли Ипкисс), Эрик Картман из «Саут-Парка». Наиболее близким к Трикстеру персонажем в древнегреческой мифологии является Гермес, однако, как отмечает К. Кереньи (1999: 243-244), они не тождественны, хотя трикстер во всех своих проявлениях был изначальным существом того же порядка, что и боги и герои греческой мифологии. Кереньи говорит о специфической плутовской мифологии. Она существовала всегда. Просто для неё не было названия и не было научного способа раскрытия её сути. Она лишь в деталях рассказывала о

¹ Культурными героями названы также Чингисхан и Александр Македонский (Жуков 2001: 138).

² То есть, процесс складывания конечного образа происходит в двух направлениях — во-первых, сама личность избирает определённый тип поведения, руководствуясь архетипами, а во-вторых, чаще уже после смерти этой личности, ей приписываются черты, характерные для выбранного, подходящего для той или иной эпохи образа. Причём этот образ может кардинально отличаться от создаваемого самой личностью при жизни.

своём герое и приводила его подробное жизнеописание.

Трикстер — сложный образ, будучи нечётко определённым полу-божеством, он выполняет двойную функцию благодетеля и шута (или божественный культурный герой и божественный шут). Иногда его называют «хитрец». В цикле мифологических сказаний североамериканских индейцев герой претерпевает эволюцию собственных качеств (Радин 1999: 171-190).

Ряд исследователей, беря во внимание созидательную функцию Пушкина как создателя литературного русского языка, именуют его демиургом, однако созидание вписывается и в рамки образа трикстера: «трикстер представлял собой действительность вещей, он был положительной силой, строителем, а не разрушителем» (Радин 1999: 211).

В типичные циклы о трикстере включены эпизоды, относящиеся к сверхъестественному существу, которому обычно приписывается сотворение мира и установление обычаев (Радин 1999: 237). Каждое поколение истолковывает трикстера заново. Ни одно поколение не может понять его полностью и ни одно не может без него обойтись. Но каждое поколение вынуждено было включать его в свою теологию и космогонию. Образ трикстера — один из обязательных элементов жанра приключенческого кино. Рассмотрим характеристику трикстера в сюжетных рамках фильма, предложенную американским исследователем С. Войтиллоу: трикстеру присущ термин «разрывать/разрушать (систему)» — этот герой получает удовольствие от разрушения статус-кво, превращая Обычный Мир в Хаос с характерными для него быстрыми переменами или фазами и физическими шалостями. Хотя сам трикстер может и не измениться в течение всего Приключения, его мир и обитатели изменяются вследствие шалостей. Трикстер использует смех дабы показать персонажам абсурдность ситуации и, возможно, спровоцировать перемену (Voytilla 1999: 16).

Символ, воплощаемый трикстером, не статичен. Он содержит в себе обещание различий, обещание бога и человека. В этом причина всеобщего и постоянного к нему интереса. Так он стал и поныне остаётся для каждого человека всем — богом, животным, человеком, героем, шутком, тем, кто был прежде добра и зла, отрицающим, утверждающим, разрушителем и творцом (Кереньи, цит. по Радин 1999: 241-264). Фигура трикстера представляет собой вневременной образ, корень всех плутовских созданий

мировой литературы, охватывающей все времена и культуры. В мифологии американского индейского племени — вичита — известен койот, наделённый способностью рассказывать бесконечные плутовские истории о себе самом, то есть эквивалент трикстера в мире животных (Кереньи, цит. по Радин 1999: 244-245). Трикстера вряд ли можно поставить в один ряд с Гераклом, «бесхитрым» героем, вооружённым дубиной. Однако впечатление о нём почти то же, что и от ненасытного, гонящегося за женщинами Геракла (здесь уместно упомянуть об одной из черт пушкинской жизни вообще, и в Кишинёве в частности — интенсивные ухаживания за местными дамами, которые он нередко превращал в спектакль и которые стали одной из излюбленных тем биографов). Геракла легко обвести вокруг пальца, в отличие от божественного двойника Трикстера в греческой мифологии — Гермеса. Вечный голод мифологического трикстера является одним из выражений более общей его характеристики, которая обозначается по принципу «желающий» (Топоров, цит. по Абрамян 1999). Это вечное хотение выражается также в сексуальной сфере — отсюда гиперсексуальность трикстера. Трикстер — это фигура, воплощающая в себе физические страсти (Шабалина 2000).

Хитрость и глупость идут рука об руку, и лучше всего это единство отражено в мифологии, пока первая не вырождается в анекдоты и фольклорные истории (Кереньи, цит. по Радин 1999: 245, 251). Истинная природа трикстера — дух беспорядка, он — противник границ. В этой характеристике также можно наблюдать прямые параллели с предметом нашего исследования.

Бунтарский дух Пушкина всячески подчёркивался исследователями, особенно в советское время. По Л. Абрамю (1999), Ленина роднит с трикстером уже то, что он, будучи революционером, как и трикстер, является изменителем мира и культуртрегером (Абрамян 1999). Создание **нового** языка (русского литературного), исходной точки новой ступени культуры — также своеобразное изменение мира, а, как известно, типичный, наиболее широко известный трикстерный поступок — переворачивание — в нашем случае, традиции написания стихотворений и литературы вообще (Пушкин как родоначальник классической русской литературы). Трикстер — своеобразный «резерв» общества при возникновении нестандартных ситуаций, когда отработанная ритуальная модель оказывается бессильной (Луговой 2003: 9). Выбор об-

ходного, необычного, кривого пути — один из типично трикстерных аспектов поведения. Человек трикстерной природы и мифологический трикстер, по словам В.Н. Топорова, «всегда ищут свой *единственный* шанс на необщих путях». Находить выход из затруднительной ситуации — извечная задача трикстера (Топоров, цит. по Абрамян 1999).

Официальной пушкиниане (как и лениниане — Абрамян 1999) всегда сопутствует неофициальная. Как уже было отмечено выше, образы Пушкина в первой и второй пушкиниане, кардинально разнятся. Если первая, особенно советская, изображает Пушкина как героя, борца за свободу народа (Трубецкой 1990), то вторая представлена анекдотами о Пушкине (инициатор этой традиции — уже упомянутый Д. Хармс (1991: 392-393), где его главная характеристика гения русской литературы и культуры низводится до нуля. Так и официальная лениниана в первую очередь возводит в абсолют доброту и справедливость Ленина. В.И. Новиков (1999) приводит список таких антагонистических мифов, всего их 11 пар. По Л. Абрамян (1999), неканоническая лениниана имеет дело с отрицательным полюсом образа неудачливого близнеца-демиурга. В противоположность этому, каноническая лениниана представляет мифологию удачливого брата-демиурга: многочисленные тексты и образы рассказывают о Великом Праотце Ленине, который создал новую коммунистическую вселенную после того, как разрушил старую. В традиционной пушкиниане также фигурирует успешное завершение всех начинаний Александра Сергеевича, а в анекдотах Д. Хармса прослеживается образ Пушкина-неудачника. В то же время совмещение противопоставленных мифологических братьев-близнецов в едином образе может породить противоречивый образ трикстера (Топоров, цит. по Абрамян 1999). К.Г. Юнг (1999) рассматривает трикстера как вариант архетипа «тени» человека. Очевидно, он представляет собой одну из «психологем», одну из чрезвычайно древних архетипических структур психики (Юнг 1999: 271). «Тень» может стать продолжением образа трикстера. Если Ленин был трикстером, то Сталин как бы воплотил его «тень» в юнгианском понимании, его злобную и разрушительную половину (Абрамян 1999). Трикстер есть коллективный теневой образ, воплощение всех низших черт индивидуальных характеров (Юнг 1999: 284).

И здесь показательно, что поведение Пушкина в Кишиневе, образ, созданным им самим и воссозданный по воспоминаниям современников, довольно точно подходит под

схему описанного образа трикстера. Многие отмечали пушкинские «кривляния» (трюк, трюкачество, как и неожиданность, непредсказуемость, прихотливость, капризность и чудачество — одни из определяющих черт трикстера). Пушкинские переодевания (Дыдицкая, цит. по Хазин 1987: 196) — олицетворение карнавального фарса. Исследователями не раз отмечалась тесная связь трикстера с карнавальной традицией и комизмом (Луговой 2003: 9). Он превращал серьёзное в фарс. В трикстере тесно переплетены черты комизма и демонизма — скандалы, устраиваемые публично и зачастую «напоказ»; шутки, приводящие к дуэлям — всё это составляющие образа демонической личности, какой хотел казаться Пушкин. Зачастую он преднамеренно вёл себя как трикстер, провоцируя окружающих на ответные действия. Пушкин способствовал распространению слухов о себе и складыванию образа бунтаря, ловеласа, «безобразника». Например, известно, что когда в начале 1820 г. в Петербурге разнесся слух, что Пушкин высечен в полиции, он, чтобы «сохранить лицо», начинает всячески распространять свои антиправительственные стихотворения, даже читает их публично. Показательно короткое стихотворение, написанное Пушкиным в Кишинёве:

*«Там все поэта презирают
И «дракул русул» называют,
О нем с презрением говорят,
Его позорят и бранят,
И весь свой злобный, гнусный яд
Пред ним с восторгом изливают»*

(Пушкин, цит. по Макарь б.г.).

По его же собственным словам, Пушкина называли «дракул рус», то есть, «русский чёрт». Как было показано выше, чёрт — одна из манифестаций образа трикстера. Кроме того, образ чёрта также включает в себя синтез демонизма — прямая характеристика — и комизма как более поздней черты (см. в «Сказке о попе и работнике его Балде»). Примечательно, что ещё 100-150 лет назад слово «чёрт» было довольно сильным ругательством — как в русском, так и в английском языке (Devil). Соответственно, именование Пушкина во время пребывания в Кишинёве чёртом — факт, характерный для сложившейся ситуации.

В постсоветское время имело место ритуальное оплевывывание символов литературы и культуры советского периода, среди которых, естественно, был и Пушкин (Debczeny 1997: 220). Он подвергся новой волне осмеяния, на сей раз более резкой и продолжительной. В цикле мифов о трикстере у севе-

роамериканских индейцев присутствует мотив осмеяния, как со стороны трикстера, так и осмеяния, направленного на него. Последнее выступает в роли возмездия за совершённые им ранее поступки. Он осмеивал сам и был не раз осмеян. Последствием становится постепенная эволюция качеств трикстера. Но эта перемена даётся герою нелегко, страдание — сопутствующая черта трикстера (Юнг 1999: 266).

Кроме того, страдание — характерная черта ещё одного известного образа — образа мученика. В историографии сложился термин «советский Пушкин». Именно ему в большей степени присущи, наряду с другими, функции мученика. В советской традиции сформировалось многоплановое, но удивительно устойчивое представление о том, каким **должен быть** Пушкин. Образ мученика, особо развитый в советское время, имеет общие черты с фигурами христианских страдальцев, мучеников-изгнанников.

Различные общественные группы в разные эпохи актуализировали, в соответствии со своими потребностями, либо одну, либо другую сторону мифа, смена социально-культурных эпох и мировоззренческих парадигм влекла за собой изменение «подтекста» пушкинского образа. Так, Пушкин становился то рупором идей революции, то национальной святыней, то мостом с утраченной родиной. Что ещё раз подтверждает зависимость архетипической «привязки» от конъюнктуры.

Важность и актуальность образа трикстера и стоящих за ним социальных, психологических и других функций позволяет расширить рамки исследования тематики, рассмотренной в статье. Например, перспективным было бы проанализировать, насколько «виновен» реальный Пушкин в создании образа Пушкина-трикстера, либо это был процесс, не зависящий от него, и трикстер — это пост-образ. Однако это задача для дальнейшего исследования.

Литература

- Абрамян Л. 1999. Ленин как трикстер / Abrahamian L. 1999. Lenin As a Trickster // *Anthropology & Archeology of Eurasia*. V.38. № 2. P. 7-26 // <http://www.ruthenia.ru/folklore/abramyan1.htm>
- Гаврилов Д.А. 2006. Трикстер. Лицедей в евроазиатском фольклоре. М.
- Жуков К.С. 2001. Петр Великий — культурный герой Петербурга // *Журнал социологии и социальной антропологии*. Т. IV. №2. С. 136-145. СПб.
- Кереньи К. 1999 (а). Трикстер и древнегреческая мифология // Радин. П. Трикстер. Исследование мифов североамериканских индейцев с комментариями К.Г. Юнга и К.К. Кереньи. СПб, С. 241-264.
- Ли А. 2000. Пушкин — наше всё. Роль Пушкина в космологических представлениях // *Полярная звезда от 18 августа* // <http://zvezda.ru/2000/08/18/pushkin.shtml>
- Логман Ю.М., Успенский Б.А. 2001. Миф — имя — культура // *Семиосфера*. СПб: Искусство-СПб. С. 525-543.
- Луговой К.В. 2003. Образ трикстера в нартовском эпосе народов Северного Кавказа. Тезис доклада на V Всероссийском конгрессе этнографов и антропологов России // *Информационный бюллетень координационного Центра этнологических исследований эпической традиции тюркских народов Южной Сибири*. №3. М.
- Макаръ П. Печать фанариотов... // <http://www.moldo.org/2nd.php?idm=2&ids=20>
- Новиков В.И. 1999. Двадцать два мифа о Пушкине // <http://www.visotsky.ru/job/mif3.htm>
- Радин П. 1999. Трикстер. Исследование мифов североамериканских индейцев с комментариями К.Г. Юнга и К.К. Кереньи. СПб.
- Стеблин-Каменский. М. И. 1976. Культура Исландии. Л.
- Топоров В.Н. 1987. Образ трикстера в енисейской традиции // *Традиционные верования и быт народов Сибири*. Новосибирск.
- Трубецкой В. 1990. Пушкин в Молдавии. Кишинёв.
- Хазин М.Г. 1987. «Твоей молвой наполнен сей предел...». Кишинёв.
- Хармс Д. 1991. Полёт в небеса. Стихи, проза, драмы, письма. Л.
- Цуркан А.А. 2001. Имперское сознание римлян как мифологический феномен (к вопросу о специфике «римского мифа») // *Вестник ВГУ. Серия 1, гуманитарные науки*. №2. Вологда. С. 180-193.
- Шабалина Т. 2000. Архетип Трикстера (по К.Г.Юнгу) // <http://edinorog.boom.ru/psimaster/trikster.htm>
- Эрлих С.Е. 2003. Россия колдунов. СПб-Кишинев.
- Юнг К.Г. 1991. Архетип и символ. М.
- Юнг К.Г. 1999. О психологии образа Трикстера // Радин. П. Трикстер. Исследование мифов североамериканских индейцев с комментариями К.Г. Юнга и К.К. Кереньи. СПб.
- Debreczeny P. 1997. *Social Functions of Literature. Alexander Pushkin and Russian Culture*. Standford (Calif.): Univ. press.
- Voytilla S. 1999. *Myth and the Movies: discovering the mythic structure of 50 unforgettable films*. NY.